
Никита Гордиенко
Падение до нуля
18+

Никита Гордиенко

Падение до нуля

«Автор»
2026

Гордиенко Н.

Падение до нуля / Н. Гордиенко — «Автор», 2026

Говорят, от любви до ненависти один шаг. В случае с зеком этот шаг ведет через КПП с решетками.Она — жаждет мести. Он — на грани безумия за колючей проволокой.Когда Кристина впервые увидела фото Дениса, она подумала: «Падший ангел». Когда она приехала к нему на свиданку, она хотела вонзить ему нож в горло.Но вместо крови — разговоры до утра. Вместо ненависти — сделка. Фиктивный брак в кабинете начальника отряд.Он научит её быть жестокой. Она научит его снова чувствовать.Только вот цена этой «любви» — свобода одного и правда о смерти другого. Выживет ли тот, кто первым вонзит нож в спину? Или тот, кто первым поймет, что вдвоем падать в пропасть не так страшно, как в одиночку?

© Гордиенко Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Трещины 5
Глава 2. Урок цинизма 8
Глава 3. Перезагрузка 11
Глава 4. Голоса вокруг 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Никита Гордиенко
Падение до нуля

Глава 1. Трещины

Кристина ждала звонка. Снова. Очередной день угасал, перетекая в тёмный зимний вечер в пустой квартире. Она оглядывала стены со светлыми прямоугольниками — фотографии сняты, спрятаны в кладовке на самой верхней полке.

Иногда казалось, что вся её прошлая жизнь похоронена. Но нет. Враньё. Остались ещё вещи Миши, которые Кристина так и не смогла выбросить. Занимали целую полку. Пыталась, даже собирала их в пакет, но на пороге всегда останавливала боль в груди, рвущая острыми когтями.

Взгляд опять наткнулся на тумбочку рядом с кроватью. Последний подарок Миши — тонкое кольцо с бриллиантом. Кристина не могла его ни носить, ни выбросить. Только хранить как память о женихе. Как он обещал научить её водить. Как они собирались слетать на море...

Батареи остывали — отключили отопление. Становилось промозгло, как в склепе. Или в могиле. Молча надела его колючий свитер — коричневый с белыми полосами. Тот самый, что подарила ему на прошлый Новый год.

Запах Миши выветрился. Свитер стал тяжёлой бронёй, куда можно спрятаться от всего мира. Его рукава закрывали замёрзшие пальцы. А воротник можно было поднять так, что не будет видно лица.

Кристина села в кресло около окна с видом на крыши промзоны. Она уже не плакала, только думала и ждала звонка.

Снаружи с лязгом прошёл трамвай. В такт задребезжали окна и звякнула бутылка коньяка на полу рядом с креслом. Телефон лежал рядом на подоконнике. Тихо. Тёмный экран.

Тишину разорвал звук дрели из квартиры сверху — вжжжж, пауза, вжжжж. Кристина схватила пульт и швырнула его в стену. Пластик треснул. Звук не прекратился. Она вскочила, дернула ручку окна, чтобы крикнуть, но холодный воздух ударил в лицо, заставив захлопнуть створку.

Год назад они с Мишей собирались делать ремонт и поругались в магазине из-за обоев. Она хотела серые, как на картинках модных интерьеров, и Мишка кричал:

— Нафига эта серость?! Давай зелёные, яркие.

— Как в больнице!

Продавщица долго металась между ними, пытаясь успокоить. В итоге они ушли без покупки, злые, а потом долго мирились дома, перебив почти всю посуду. Точнее била Кристина, тогда у неё были силы.

Она отвернулась. Шкаф. Та проклятая полка с вещами. Пакет. Мусоропровод… Нет. Не сегодня. Вместо этого она достала давно купленную краску для волос и ушла в ванну — менять имидж. На роковую брюнетку. Закрасить седину. Закрасить эту пустоту.

Огромный кобель, похожий на неудачный генетический эксперимент, по кличке Ржавый проводил её недоуменным взглядом и чихнул. По его собачьему мнению, лучше бы они гулять пошли.

В ванной Кристина сорвала пробку с тюбика. Чёрная жижа капнула в раковину, расплываясь как кровь. Перчатки. Старая футболка. Она посмотрела на своё отражение — бледное, с отросшими корнями. Краска воняла химией. Пахло новой жизнью.

***

Она помнила их последний вечер. Миша стоял в прихожей их съёмной квартиры (которую он оплачивал, «чтобы моя девочка ни в чём не нуждалась»). От него пахло дорогим парфюмом и морозом. На вешалке висел новый колючий свитер — «Это тебе, чтобы не мёрзла, когда меня нет».

— Куда ты на ночь глядя? — она капризно надула губы, уже чувствуя приступ той самой ревности, которая грызла её последние месяцы. — От тебя бабами пахнет.

— Крис, не начинай. — Он чмокнул её в лоб. — Это Егор. Просто Егор. У него там... схема горит, надо разрулить. Я быстро. Туда-обратно.

— Я-то надоела, наверное...

Он замер. Посмотрел на неё долгим, странным взглядом. Достал телефон.

— Ревнуешь? — он хмыкнул, листая галерею. — На, смотри. Это Егор. Он... ну, он просто братан. Мы со школы ещё знакомы. Вот, смотри, его страница...

Она швырнула телефон на диван, взглянув на самодовольную рожу рядом с новой чёрной машиной.

— Не смей к нему ехать!

— Крис, это бизнес...

— Я сказала, не смей! — она сорвалась на визг. — Ты и так меня бросил в этой дыре!

Это была последняя ссора. Он всё равно ушёл. Поцеловал её в макушку, погладил Ржавого и вышел. Навсегда.

***

Егор лежал на верхней койке и смотрел в потолок, считая трещины. Две — у зарешеченного окна. Три — над головой. И ещё две, самые ломаные и глубокие — у железной двери. Сутки вычеркнуты. Книги не хотелось читать. Бабы тоже надоели.

— Слышь, давай Вике маляву кинем, — подал голос Санька с нижней шконки. — У неё бабки есть, грев жирный был.

Раздался шорох карт. Санька опять мял в руках старую замусоленную колоду. Егор поморщился — этот звук стал таким же привычным, как вечный гул в коридоре, как и вонь от параши, грязных носков и хлорки. Новенький Пашка на соседней нижней шконке делал вид, что спит.

— Тупая сука, — отозвался Егор.

— Какая разница! Так даже лучше — верит всему.

— Сам знакомься.

— Меня девки не любят, — Санька поскрёб щетину на подбородке. — Мордой не вышел. И такие слезливые истории не умею рассказывать… О! А как там Оля поживает? Колбасная твоя королева?

Егор не выдержал, усмехнулся:

— Приезд этой толстухи я не вывезу.

— Скажешь, что от большой и трепетной любви, — хмыкнул Санька. — Эй, новенький!

— Что? — глухо отозвался Пашка с соседней нижней койки. Он был ещё молчалив — не привык. — Бабу подогнать?

— А есть контакт? — оживился Санька. — Желательно разведёнка. Можно с ребёнком. Или тупую.

Пашка приподнялся на локте.

— А что… что мне за контакт будет?

— Сигаретами поделимся из передачки! — Санька бросил карты и спрыгнул на пол. Металл нещадно скрипнул, перекрывая на миг все звуки. — Покажи, кто есть!

— Ну есть несколько… — Пашка встал и вытащил из-под матраса телефон. В камере можно было всё, лишь бы были деньги. — Светка, двое детей, продавщица, жирная такая,

в разводе давно. Дашка — тоже есть ребёнок, живёт на пособие, стрёмная, но ведётся. И… Кристина — детей нет, замужем не была.

— Давай Дашку и Светку сюда, — потребовал Санька. Он постучал костяшками по краю койки Егора. — А ну глянь!

В телефоне новенького Егор увидел открытые странички ВК. Он равнодушно скользнул по ним взглядом. Светка. Щёки, как у хомяка. Дашка. Взгляд загнанный. Кристина... Он задержал взгляд на долю секунды дольше. Лицо чистое. Не накрашена.

— Дальше что?

Санька замер с телефоном в руке:

— В смысле «дальше»? Ты ж у нас мастер съёма.

— Давай сам.

— Понятно с тобой всё... — он убрал телефон. Разочарованно махнул рукой. — Сдулся.

— Иди ты.

— Может… хоть этот… мастер-класс покажешь? — вдруг спросил Пашка.

Егор посмотрел на очередное бритое рыло с серыми глазами.

— Сигареты есть?

— Есть.

Егор сел на шконке.

— Вот давай тогда с этих трёх и начнём. Урок первый — пиши сразу нескольким. Отвечают не все, а кто ответил — ещё десять раз послать могут. Пиши: «Увидел твою улыбку и понял — ты самая прекрасная. Сейчас смотрю на закат…»

Пашка почесал затылок и покосился на бетонную стену за решёткой. Егор перехватил его взгляд:

— Пиши-пиши. Думаешь, они проверять приедут?.. Давай дальше…

— Херня какая-то…

— Если баба умная — она всё равно не ответит. Если дура — поведётся. Нам нужны дуры. Пиши.

Егор привычно собирал слова в стандартный набор. Пашка сопел и набирал сообщения. Санька потирал руки и пересчитывал сигареты. Наступала ночь.

Глава 2. Урок цинизма

Пиликнул телефон — загоревшийся экран разогнал сумрак. Кристина выплыла из дремоты, поёжилась под колючим свитером и схватила смартфон. Сообщение от Пашки. Она так давно его ждала, что уже составила план Б.

Твою мать, ну конечно… На аватарке — Пашка годичной давности. У магазина, нога на скамейке, в руке бутылка дешёвого пива. Король мира, блин.

Она потёрла лоб холодным краем телефона. Закрыла на миг глаза, собирая с мыслями. В голове ещё гудело после коньяка — сегодняшняя доза была превышена. Выпить кофе? Потом. Пока слишком лень вставать, и очень интересно — что же будет дальше.

— Привет. Я соскучился. Посмотрел на тебя по-новому — ты такая красивая.

Кристина поморщилась. Стандартный и дешёвый набор слов. Как по учебнику. Набрала ответ:

— Привет! Так я и поверила. Как сидится?

Она хотела посмотреть, как работает схема.

— Норм.

— Кто рядом?

— Почти приличные люди.

— Врёшь.

Пауза.

— Зуб даю.

— Не верю. Пришли фото. Хочу посмотреть на твоё «норм» в высоком разрешении.

Пауза. Даже три точки исчезли.

Думают, что ответит или спорят. На сигареты, например. Кристина улыбнулась — едва заметно, краешком тонких губ, забывших, что такое помада и поцелуи.

Как это работает там? Они там что, в очередь выстраиваются к единственному телефону? Кто делает фото? Сам Пашка или попросит какого-нибудь авторитета с наколками на пальцах? «Слышь, щелкни, я бабе своей кину». А на фоне — обязательно решётка или облупленная зелёная стена.

Пришло фото. Действительно, а вот и зелёная стена, и решётка… Похудевший Пашка, какой-то светловолосый доходяга со впалыми щеками и и брюнет с резкими, хищными чертами лица, которые не смогла стереть даже тюремная бледность. Прям падший ангел за решёткой.

Кристина хмыкнула. А что, терять всё равно нечего. Упадёт тоже.

— А вон тот брюнет ничего так. Как зовут?

— Эй, Кристина! Так нечестно!

— Иди к чёрту. Не дала тебе на выпускном, и сейчас не дам.

— А денег на телефон кинешь?

— Кину. Если он хотя бы знает, как пишется слово «здравствуйте».

Опять тишина — совещаются. Кристина встала, машинально коснувшись пальцами холодного кольца на тумбочке, и стянула с себя свитер, оставшись в одной футболке. В комнате стало жарко, наконец-то снова включили отопление.

Пришла СМС:

— Привет, Кристина! Меня зовут Егор. Странная ситуация — мне сказали, что со мной хотят познакомиться. Ты серьёзно? Интересный круг общения ты выбираешь.

— Привет! Нет, ты будешь первым.

— А Паша?

— Тень из прошлого. Не считается. Мне очень скучно, отменили рейс на Мальдивы.

— Мальдивы? Там тоже скучно.

— Ты там был?

— Да, не понравилось, решил переехать в наш отечественный санаторий. Красота. Кормят и выгуливают по расписанию.

Кристина ушла на кухню, щёлкнула выключателем. Тени испуганно забились по углам. Чайник, как обычно, долго хрипел и собирался сдохнуть, но всё-таки сдался и выплюнул струю пара. Посмотрела на трещину — разлом шёл от окна через весь потолок до самой двери. Но даже на извёстку нужны деньги… Потом, когда-нибудь… Тупик. Выбираться некуда.

Телефон пиликнул новым сообщением. Насыпала в красную чашку растворимый кофе — жизненно необходимую гадость.

Она сделала первый глоток. Горячая гадость обожгла горло, прогоняя остатки холода. Похоже, этой ночью ей будет не до сна.

***

Егор переписывался почти всю ночь. Он сам не понял, как пальцы набрали:

— Есть вариант на краткосрочное свидание...

— Ой нет!.. Предпочитаю виртуальное общение.

— Может хотя бы созвонимся? Хочу услышать твой голос.

— В другой раз. Почти утро. Скоро побудка. У тебя. А у меня очередной деплой.

— Что это за болячка? Смертельная?

— Загугли, мне лень объяснять.

На минуту отвлёкся, вбил в поиск непонятное слово… Программистка что ли? Но спрашивать не стал, пошёл дальше по стандартной схеме:

— Расскажи ещё про себя.

— Ничего интересного. Работаю дома. Редко выхожу в свет. Скукота.

— Боишься загореть?

— И как ты догадался...

— А что любишь на завтрак?

— Блины… И к чему такой вопрос?

— Просто. Теперь буду знать.

— Ладно. Странно это всё. Я спать.

Она прекратила писать, а Егор вбил вдогонку привычное — «спи спокойно» и «увидимся во сне». Сжал пластиковый корпус телефона. Посмотрел на тёмный дисплей. Только сейчас он услышал оглушительный храп Саньки и заметил, как сильно похолодало в камере. Вытянул руки так высоко, чтобы хрустнули суставы. Вверх. Будто пытаясь дотянуться до низкого потолка.

Поднёс телефон к глазам, щурясь от ставшего слишком ярким экрана.

Нет, на сегодня хватит. Сунул телефон под матрас, словно гранату без чеки. Разжал затёкшие пальцы. И только тогда позволил себе закрыть глаза. Егор провалился в неспокойный, рваный сон.

***

Утро.

— Подъём! — рявкнул голос, и кормушка с лязгом открылась.

Санька, как самый шустрый, уже тёрся у двери. Егор смотрел на трещины. Пашка ворочался на шконке, попав в состояние, когда хотелось только спать.

К обеду Пашка, наконец, выполз из-под одеяла. Сидел на шконке, поджав ноги, и потрошил передачу от Бати. Развернул золотинку — запах шоколада мгновенно забил вонь камеры. Пашка откусил, и его лицо расплылось в сытой, шакальей ухмылке.

— Ден! Сигареты с меня, как и договорились, — прошамкал он с набитым ртом. — Короче… Твоя схема работает! Я Светке написал: «Увидел тебя и понял — ты мой личный

антидепрессант. Ради тебя я исправлюсь». Ну и ещё там… Она в ответ три голосовых скинула. Рыдает.

— Рад за тебя. Продолжай, — усмехнулся Егор и отвернулся.

День тянулся. Жёлтый кнопочный телефон («рабочий») молчал в ожидании новой поставки в город. Санька проиграл Егору в карты весь запас сигарет и теперь нервно кружил по камере, ища, с кем бы отыграться. Егору не было интересно. Он и так уже купил эту камеру с потрохами. Пашка жрал весь день, методично уничтожая передачу: то вгрызаясь в колбасу, то перемалывая пряники

Вечером, когда в камере из звуков остался только храп, Егор снова достал «личный» смартфон с перепиской. Руки не дрожали.

Разблокировал. Куча сообщений от других — ждали ответа, скидывали голые фотки, звали «пошалить». А от Кристины — тишина. Последний раз в сети была сегодня в 14:22. Две галочки — «прочитано». Его сообщения висели в пустоте.

— Привет! Как дела? Как деплой? Или у тебя муж и дети?

Она снова не отвечала. Даже не заходила. Сообщение повисло в пустоте с одной галочкой.

Егор заблокировал экран. Сунул телефон обратно под матрас. Лег на спину и сложил руки на груди. Ему захотелось, чтобы кто-нибудь просто выключил мысли в его голове.

Глава 3. Перезагрузка

Синий свет экранов выжигал глаза. Пальцы, которыми она держала мышку, ныли от холода — опять авария, отключили отопление. Кристина надела коричневый колючий свитер. В кружке было растворено две ложки кофе и три таблетки сахарозаменителя. Бурду перебивало молоко — иначе эта дрянь вставала комом в горле.

Кристина читала лавину сообщений от Егора, сидя за двумя мониторами. Она открывала диалог. Палец зависал над кнопкой «ответить». Но потом пролистывала вверх. Закрывала.

Предложение краткосрочного… Поездка… Это выбило её из точки абсолютного нуля. Она прикрылась работой и пропала. Но вот Егор опять в сети, спрашивает про деплой и ждёт ответа — горит зелёный значок. Ещё и про мужа с детьми уже нафантазировал. Она хмыкнула — попытка узнать как можно больше? Но у него под боком Пашка, который её знает. Ревность? Попытка залезть дальше, чем просто под кожу?

Ржавый подошёл с поводком в зубах. Положил слюнявую голову ей на колени, оставляя мокрый след на джинсах. Она улыбнулась и потрепала его за ушами. Огромный метис ржавого цвета помахал хвостом и с тоской оглянулся на окно. То ли стафф, то ли немецкая овчарка, а может ротвейлер пробегали в его родне. Одно ухо стоит, другое висит. Шрамы на морде. Он некрасив, но в нём чувствуется мощь.

— Гулять хочешь? — мягко спросила она. — Прости, я забыла… Заработалась. Сейчас ещё десять минут, и пойдём.

Кристина освободилась через тридцать минут, когда пёс уже потерял надежду и уснул с поводком в зубах на коврике у порога.

Она смотрела на него. Сжала кулаки в карманах худи, пока ногти не впились в ладони. На него она мало обращала внимания после смерти Миши… Не хватало сил и времени. А тут ещё почти сразу предложение поездки на краткосрочное…

Кристина посмотрела в зеркало. На ней была та самая чёрная краска. Чужое лицо. Но глаза... Глаза остались её. Они горели ненавистью. На неё смотрела та же девушка, что и год назад. Только глаза высохли, а в них впервые за долгое время не было слёз. Только лёд.

Она поедет. Точно поедет. Отступать уже некуда. Призраки требовали мести. Поиграет с ним ещё немного. Совсем чуть-чуть. Чтобы не вызывать подозрения. Пусть Егор думает, что она всё та же скучающая дура с Мальдивами.

Она сняла с вешалки кожаный ошейник с чёрным медальоном и потрясла. Ржавый тут же проснулся и радостно застучал хвостом по полу, сметая стоявшие там сапоги. У Кристины не поднималась рука избавиться от собаки. Это был последний подарок от Миши в их последний вечер.

Кристина медленно сползла по стене на пол, прямо в коридоре. Обхватила колени руками. Она закрыла глаза. Если бы можно было просто уснуть здесь и не просыпаться. Не ехать никуда. Но Миша на фотографии в её телефоне на заставке смотрел с укором.

Она открыла глаза. Встала. Боль в ногах от неудобной позы была настоящей. Значит, она ещё жива. Пора действовать.

***

Егор медленно сел, морщась от надоевшего скрипа, который раздражает так же сильно, как Санькин голос. Он стал фоновым шумом, легко заглушаемый мыслями.

Егор чуял — что-то с ней не так. В камере это чувство обостряется до предела. Он привык сканировать людей: вот этот врёт, вот этот боится, вот этот готов ударить. С ней сканер выдал системную ошибку, сбой.

Да, она идеально подыгрывала. Смеялась над «отечественным санаторием». Слова были тёплыми, правильными. Но между строк, в паузах, которые занимали часы, царил арктический холод.

Что ей нужно на самом деле?

Он снова взял телефон. Палец завис над диалогом. Она молчала почти сутки. После того как он написал «Как деплой?», экран почернел.

Сутки. В камере это вечность. За сутки можно проиграть всё. Можно получить «дачку». Можно словить «ломку». Можно умереть. А она решила просто исчезнуть, даже не попрощавшись.

Рука уже несколько раз дёрнулась стереть её номер. И сам же смеялся над собой — не пятнадцать лет, уймись. В итоге написал и сам не понял как:

— Крис. Ответь. Мне хреново.

Экран вспыхнул ближе к вечеру.

— Привет. Прости. Закрутилась. Деплоила под дедлайн… Тоже можешь загуглить, что это.

Специально так пишет? В его мире есть «шмон», «проверка», «отряд к проверке готов». А «закрутилась» — это слово из другого мира. Мира, где есть начальники, авралы и, мать его, «деплой».

У неё есть дела, ради которых она может бросить его на сутки, а потом написать «прости» так, будто извиняется за остывший кофе. Нашла себе развлечение.

Санька хлопнул его по плечу, вырывая из ступора.

— Эй, ты там уснул? Глянь, что я придумал…

Егор медленно поднял на него глаза. Взгляд был пустым.

— Сань. Иди ты...

Он лёг на койку, закинув руки за голову, и уставился в потолок. На те самые трещины.

Санька что-то бубнил, размахивая замусоленной семёркой пик, но слова тонули в белом шуме. Егор смотрел в потолок, но видел окно диалога. Кнопку «Ответить». Паша опять жрал колбасу, воняя на всю камеру. Когда он уже лопнет?..

Если она играет — нужно играть в ответ. Но по своим правилам. Он снова сел, преодолевая сопротивление скрипучей фанеры. Сунул руку под матрас. Пальцы нащупали холодный пластик.

Экран вспыхнул. Палец замер над полем ввода.

Пальцы начали выстукивать нервную дробь по пластику. Тук-тук. Тук. Ритм его собственного пульса, который он пытался успокоить.

Ему нужно было уязвить её. Не обидеть, а именно уязвить. Показать, что его «сбой» был не сбоем системы, а тестом. Который она, возможно, провалила.

Он набрал:

— Твои сутки затянулись. Я уже начал думать, что твой деплой — это эвтаназия.

Отправил. Пусть теперь она повисит с ошибкой на сканере.

Егор смотрел на тёмный экран. Прошло тридцать секунд. Сорок. Минута. Он уже начал жалеть о «эвтаназии». Слишком вычурно и уязвимо.

Экран вспыхнул.

— Это лечится холодной перезагрузкой.

Егор перечитал трижды. «Холодная перезагрузка» — это намёк на камеру. На холод. На то, что ему нужно «перезагрузиться» и перестать истерить.

— И часто перезагружаешься?

— Нет. Обычно это лечится обновлением прошивки эго.

Вот сучка!

Он посмотрел на эти два слова: прошивки эго. Флирт перерастал в спарринг.

И вдруг расхохотался. Санька на соседней койке перестал шуршать картами и посмотрел на него как на сумасшедшего.

— Чё? — спросил Санька. — Ты хоть расскажи!

— Ничего, — выдохнул Егор и снова уткнулся в телефон. Он написал Кристине:

— Приезжай на краткосрочное, расскажешь подробнее.

— Когда? — сразу ответила Кристина.

Егор отшатнулся от телефона, прочитав это. Так просто? Быть не может…

Он ожидал игнора, колкости, чего угодно. Но не этого «Когда?». Словно они договаривались о встрече в кофейне.

Глава 4. Голоса вокруг

— Чё, реально позвал? — встрепенулся Санька и встал со шконки, забыв про карты. Они остались на одеяле.

— Да. Согласилась.

Пашка повернулся к нему, но промолчал.

— Паш, с меня пачка сигарет за контакт, — ухмыльнулся Егор.

Пашка кивнул. Егор скользнул по нему взглядом. Оскорбился, что Кристина его слила? Бред. У него там уже очередь из «разведёнок» выстроилась, Пашка сам хвастался.

Санька же потирал руки:

— Пожрём хоть. Интересно, что привезёт? Я с тобой в доле, по-братски. Сигареты мои не зажимай.

Егор медленно повернул голову. Взгляд был тяжёлым, лишённым всякого азарта.

— С чего это?

Санька осёкся, а потом оскалился:

— Может она тебя уже сдала ментам? А ты в карцер залетишь за «межкамерную связь» с неизвестного номера.

— Спорим на пачку сигарет, что нет?

***

Егор ожил. Неожиданно так. Правда ловил себя на том, что по-прежнему пишет Кристине готовыми фразами, они оказались универсальными. Он довольно быстро захватил территорию, но волчица ещё огрызалась. Могла игнорировать его сообщения, могла фыркать на его шутки, могла отказываться от встречи, но согласилась же. Что же. Тем интереснее охота. Или захват. Или это иллюзия жизни?..

Тряхнул головой, пытаясь вернуться в реальность. Реальность не радовала — клочок земли для выгула, надсадно кашляющий Санька, и Пашка, зажатый в углу другими зэками. Он не умел разговаривать, его было слишком легко поймать… Вот и сейчас…. Договорился, блин.

Охранники где-то были. Для видимости. В драки лезли редко, только если тут друг друга убивать начнут.

Егор поморщился и вразвалочку подошёл. Огляделся. Пятеро. Драка? Если охранники поднимут жопы, то это карцер, и прощай УДО. Пашка жался к стене.

Егор нарочито спокойно спросил:

— И что этот фраер сделал?

— Не твоё дело, Хакер, — огрызнулся Штырь. Мелкий худой ублюдок мотал третий срок и постоянно носил заточку в ботинке. Опасный.

— Как не моё? На соседней шконке спит.

— Ну раз твоё дело… — Штырь сплюнул и прищурился. — Тогда ты и расскажи, почему он Гвоздя начальству сдал?

— Я не сдавал… — руки Паши тряслись. Егор поморщился — и от своего погоняла Хакер, и от того, что кто-то посмел сдать смотрящего. Серьёзно. Точно скоро будет кровь.

— Штырь, я что-то не понял. А ты кто здесь такой? Смотрящий? Положенец? Или ты торпеда?

— Чего?.. — Штыря можно было легко заговорить. Главное, не дать ему очухаться и полезть в драку.

— Я что-то распоряжение не видел, что ты теперь в хате порядок наводишь. Решил сходку собрать? Сядь на место, пока тебе пальцы не переломали за самозахват власти. Это мой человек, — Егор кивнул на Пашку. — Штырь, я с ним сам разберусь, если надо будет. А ты рот закрыл.

— Да ты…. — Штырь ещё пытался что-то добавить. А Егор ухмыльнулся:

— Дорогу перекрою. Ты знаешь… я могу.

Штырь резко отшатнулся:

— Да… Надо прогон ещё проверить.

Пашка поднял на Егора глаза и виновато прошептал:

— Я правда ничего…

— Заебал трястись, — зло сказал Егор. — Должен будешь.

И ушёл. Подальше от кашля Саньки и труса-Пашки. Если бы ему сказали придушить их, и он свободен. Он бы вообще не думал. Не колебался.

Потом в хате на своей шконке Егор вертел телефон в руках и думал. Казалось, просто игра…

***

Семён просматривал дело Авилова Егора. Он не мог оставить его без присмотра. Михаил Страхов был подозреваемым по делу чёрных трансплантологов, которое раскручивали уже три года. Казалось, год назад взяли главаря в Новосибирске по кличке Пахан. Но по оперативным данным схема продолжала работать. Кто-то ещё… Подозревали Страхова, но его курьер Авилов провозил в сумке обычный порошок, упекли по 228. Сам Страхов погиб в перестрелке. Авилов чуть не сам под пули не подставился от страха. Семён был на задержании, он помнил страх в его глазах. Тот страх, когда вываливаешь всё, что знаешь, чтобы спасти свою шкуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.